

РОЗДІЛ I. ТЕОРІЯ МОВИ

Сергей Кураш

УДК 81'373.612.2

**МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОМЕТАФОРОЛОГИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

У статті подано типологічний огляд дефініцій та описів поняття «метафора», наведених у лексикографічних виданнях ХХ-ХХІ ст., а також проаналізовано функціонування цієї термінологічної лексики в сучасних дискурсивних практиках, у тому числі поза власне термінологічною функцією. Виявлено, що метафора – це не просто термін, не просто мовний засіб, а складний і семантично амбівалентний концепт, характерний для мовної (і метамовної) свідомості освіченого носія російської мови. Тому завдання фіксації всього обсягу концептуального наповнення аналізованої термінологічної лексики не можна визнати вирішеною повною мірою. Це одна з перспектив як для наукової (термінологічної) лексикографії, так і для теоретичної метафорології.

Ключові слова: метафора, метафорологія, термін, концепт.

Введение

В структуре гуманитарных учений теория метафоры является настолько молодой, насколько и старой, и в первую очередь это касается лингвистической науки, история которой – «это в каком-то отношении и история постоянного обращения к феномену метафоры» [Кулиев 1987: 81].

Изучение метафоры насчитывает более чем 2000-летнюю историю. В течение этого времени содержательное наполнение понятия «метафора» менялось, дополнялось, трансформировалось, обогащалось. Феномен метафоры стал центром приложения рефлексивных сил представителей разных сфер гуманитарной деятельности: философии, литературы, культуры, искусства, психологии, педагогики, социологии, медицины, политики и др. Вряд ли можно даже приблизительно исчислить количество высказываний о метафоре, сочинений, посвящённых ей, выдвинутых критериев её типологизации и классификации и даже концепций, теорий, которые вновь и вновь предлагаются как своеобразный логический итог метафорологических изысканий. И уж тем более не поддаётся подсчёту количество дефиниций этого понятия, зафиксированных к данному моменту в многочисленных словарях, справочниках, энциклопедиях.

Известно, что одна из первых дефиниций метафоры принадлежит Аристотелю, определившему её как «перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель 1983: 669]. Античной метафорологией известен и ряд иных высказываний о метафоре: «Квинтилиан полагал, что «метафора дарована нам самой природой» и «содействует тому, чтобы ни один предмет не остался без обозначения». Это же утверждает Деметрий: «обиходная речь создала такие хорошие метафоры для некоторых понятий, что мы уже не нуждаемся для них в точных выражениях, такая метафора утвердилась в языке, заняв место буквального обозначения». Цицерон трактует метафору как способ формирования недостающих языку значений – перенос по сходству производится «ввиду отсутствия в языке соответствующего понятию слова». Теофраст также признавал за метафорой право пополнять недостаток слов в языке» [Арутюнова 1990: 6].

Современное учение о метафоре, опирающееся на весьма длительную традицию изучения этого феномена, представляет собой комплекс различных направлений, подходов, дисциплин, объединяемых на данном этапе под знаменем особой междисциплинарной отрасли знания – метафорологии, практически сформировавшейся в качестве самостоятельной научной дисциплины [Лагута 2003]. Лингвистическое ответвление метафорологии – лингвометафорология – является центральным и наиболее разработанным в кругу иных направлений науки о метафоре.

Цель и задачи исследования

В рамках данной работы мы ставим целью осуществить попытку типологического обзора дефиниций и описаний понятия «метафора», представленных в лексикографических изданиях ХХ-ХХІ вв., в проекции на функционирование данной терминологической лексики в современных дискурсивных практиках, в том числе вне собственно терминологической функции. Материалом для анализа послужили более 70 энциклопедий, словарей, справочников по различным отраслям прежде всего гуманитарного знания, изданных на русском языке или переведённых на русский язык с других языков, в том числе с использованием интернет-ресурса «Словари и энциклопедии на Академик» [Словари]. Кроме того, для анализа концептуализации понятия «метафора» как фигуранта современного коммуникативного пространства привлечены отдельные интернет-ресурсы – Национальный корпус русского языка [Национальный], поисковые системы Яндекс.ru и Google.com и др.

Результаты исследования и их обсуждение.

Результаты проведённого анализа показали следующее.

1. Все описания понятия «метафора» в лексикографических изданиях ХХ-ХХІ вв. можно разделить на собственно **дефиниционные** (краткие, сводимые, как правило, к 1-2 предложениям, определения данного

термина) и **статейные** (содержащие, помимо дефиниции, сведения из истории изучения метафоры, краткий обзор её различных теорий, освещающие эволюцию взглядов на природу данного феномена, включающие трактовки отдельных разновидностей метафор, выделенных по различным критериям и пр.) (см. подробнее: [Кураш 2015]). Анализ исходных позиций при трактовке содержания понятия «метафора» выявляет три основных подхода: 1) метафора-результат, 2) метафора-процесс, 3) метафора-подход. При этом каждый из них представлен типичными начальными (=сильными) позициями микротекстов-дефиниций. В максимально сжатом виде они систематизированы в таблице, приводимой ниже:

Исходная позиция дефиниции	
Характер	Ключевые слова
Результат	<i>Вид тропа...</i>
	<i>Форма речи...</i>
	<i>Символическое выражение...</i>
	<i>Простейший художественный образ...</i>
Процесс	<i>Непрямое выражение смысла...</i>
	<i>Способ выражения мысли...</i>
	<i>Применение описательной фразы...</i>
	<i>Перенос свойств одного предмета на другой...</i>
	<i>Употребление слова в непрямом значении...</i>
	<i>Определение и изучение одного путём обращения к образу другого...</i>
Подход	<i>Образная передача некоего смысла...</i>
	<i>В терапии</i>
	<i>Лингвистический приём...</i>
	<i>Способ эстетического мировосприятия...</i>

2. Анализ словарно-энциклопедических дефиниций и статей, посвящённых метафоре, позволяет выявить парадигматико-синтагматические связи данного понятия как предмета научного лексикографирования. Под парадигматикой лексикографической репрезентации данного термина мы понимаем различного рода ассоциативные связи, вводящие его в круг иных терминологических единиц. Под синтагматикой – вхождение слова *метафора* в аналитические терминопозначения, также фиксируемые словарями и справочно-энциклопедическими изданиями. Часть иллюстративного материала, собранного в ходе исследования, представлена в нижеприведённой таблице.

Парадигматика	Синтагматика
<p>Синонимы: <i>перенесение, троп, сравнение, олицетворение, прозопопея</i> (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. -под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999); <i>иноречие, инословие, иносказанье; обиняк</i> (Толковый словарь Даля. В.И. Даль. 1863-1866).</p>	<p><i>Метафора оптическая, метафора сновидения, метафора о разбитом окне, метафора в современной науке, метафора рабочего стола, метафора гипнотической ситуации, компьютерная метафора, абсолютная метафора, телесная метафора, гендерная метафора, сексуальная метафора, звуковая метафора, неудачная метафора и др.</i></p>
<p>Смежные понятия: <i>аллегория, катахреза, притча, синекдоха, аналог, модель, метонимия, сравнение, синтез, научное творчество</i> и др.</p>	
<p>Типы: <i>эпифора vs. диафора, метафора когнитивная, метафора образная, метафора номинативная, метафора стертая, метафора художественная, метафора эмоциональная, метафора языковая, метафора развёрнутая, метафора простая</i> и др.</p>	

3. Представляют интерес и те трактовки метафоры, которые не дают однозначной оценки данному феномену, когда pro и contra как бы взаимоотражаются, перетекают друг в друга. Нечто подобное находим, в частности, в дискурсе известного современного белорусского учёного, литературоведа, культуролога, философа и – одновременно – писателя А.Н. Андреева.

Относительно метафоры у А.Н. Андреева-литературоведа, философа, культуролога мы находим ряд весьма, мягко говоря, сдержанных заявлений о роли метафоры в языке литературы. Основное здесь – мысль о необходимости разграничения метафорического мышления и образного: «Метафора — симптом образного, интуитивного мышления, хотя образ может быть создан и без метафоры. Уже один этот факт никак не позволяет отождествлять метафору и образ. Образ и метафора — это просто-напросто разные категории. Метафора — узкосемантическая, неконцептуальная сама по себе (как, например, деталь). Поэтому метафору

можно определить как средство передачи образной концепции личности. Это способ воплощения образа, но никак не сам образ. Место метафоры как элемента стиля – в ряду других тропов» [Андреев 1995: 64-65].

И в философском дискурсе автора выстраивается аналогичная схема. Например: «Плотность смысла задается точкой отсчета в произведении; расположение этой точки и определяет «глубину». Чтобы «глубина», «густота», «плотность», «точка отсчета» перестали быть метафорами (способом передачи ощущений), а несли понятную смысловую нагрузку, необходимо наполнить их конкретным смыслом» [Андреев 2003: 13]. И даже так, афористично и иронично (по отношению всё к той же метафоре): «На глупый или провокационный вопрос лучше всего отвечать метафорой. Все останутся довольны, и каждый получит своё. "Почему на экранах телевизоров не видно мудрецов?" "А потому же, почему на собачьих свадьбах не заметно львов"» [Андреев 2000: 156].

Аналогичных выдержек можно привести ещё несколько, но ясно: у А. Андреева метафора иерархически подчинена образу и концептуально противопоставлена познанию и пониманию; отсюда – метафора может быть «пустой», «неосознанной» и пр.

В то же время, рассуждая о творчестве В. Набокова, А.Н. Андреев отмечает следующее: «Изобилие метафор в рассказе и превращение, в конечном счете, всего произведения в сплошную метафору (рождество нового мироощущения, продление жизни, новое рождение) позволяет сделать определенные выводы. Цель и смысл метафор и сравнений Набокова, поддержанных тщательно организованным словесным уровнем текста, заключаются в том, чтобы сопрягать различные явления, уподоблять их друг другу – и тем самым обогащать. Что, конечно, и должна делать всякая метафора. Однако у Набокова метафора обнажена до своей «первородной» функции: метафора служит не вспомогательным поэтическим средством, а непосредственно «скрепляет» жизнь с литературой» [Андреев 2003: 185]. Да и писательская практика самого А.Н. Андреева демонстрирует метафорический принцип обобщения. Один из своих романов писатель в авторской аннотации представляет так: «Роман «Маргинал» – всеобъемлющая метафора. Мир взят в состояниях пограничных: любовь чем-то похожа на ненависть, дружба напоминает вражду, верность превращается в предательство, философия в литературу, красота в грязь, жизнь в смерть. Связь всего со всем – в центре романа: такова философская подоплека формулы «маргинальность»» [Андреев 2006].

Как видно, А.Н. Андреев-учёный и писатель не примкнул в своих рассуждениях ни к радикализирующим слабость и даже вредность метафоры, ни, тем более, к абсолютизирующим её «самость». Именно в таком ракурсе как раз следует говорить о дихотомии «метафора-средство» vs. «метафора-принцип».

Что касается лингвистической метафорологии, то, как отмечает Н.Д. Арутюнова, в последние десятилетия в её объекте «стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа. Метафора тем самым укрепила связь с логикой, с одной стороны, и мифологией – с другой» [Арутюнова 1990: 5-6]. Здесь можно даже уловить нотки абсолютизации метафоры как феномена языка и мышления: «То, что метафора – вездесущий принцип языка, подтверждается простым наблюдением. В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры. Даже в строгом языке точных наук можно обойтись без метафоры лишь ценой больших усилий» [Ричардс 1990: 24].

Тем не менее некоторые дискурсивные барьеры для метафоры всё же имеются, на что указывает Н.Д. Арутюнова, говоря, в частности, о нехарактерности метафоры для обыденной речи, «убивающей» метафору, и для различных жанров делового дискурса (законов, приказов, уставов, резолюций, постановлений, правил поведения и безопасности, инструкций и т.д.), – т.е. метафоре почти нет места там, где «должно неукоснительно соблюдаться, выполняться и контролироваться», подлежать «точному и однозначному пониманию» [Арутюнова 1990: 7].

Но тот же автор (и ещё многие-многое другие) пишет о когнитивно-гносеологической функции метафоры в научном познании, иллюстрируя её, в частности, примером из области лингвистики: «Лингвистам хорошо известны метафоры, дающие ключ к пониманию природы языка и его единиц: биологическая концепция языка делала естественным его уподобление живому и развивающемуся организму, который рождается и умирает (ср. живые и мертвые языки); компаративисты предложили метафоры языковых семей и языкового родства (праязык возник по аналогии с прародителем); для структурного языкознания была ключевой метафора уровневой структуры; для генеративистов – метафора языка как порождающего устройства. Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию» [Арутюнова 1990: 15].

Тем не менее идея противопоставления метафоры и научного факта не исчезает из метаязыка науки, что, например, демонстрирует аннотация к монографии О.А. Корнилова, ср.: «В монографии предпринята попытка перевести понятие «языковая картина мира» из разряда красивых метафор в категорию научных терминов; рассматривается широкий круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве основного «строительного материала» «дома бытования» духа народа, что предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку» [Корнилов 2003: 2].

Приведённые наблюдения всецело соотносятся с рефлексивными реакциями на само понятие «метафора», фиксируемыми в различных видах дискурса – от научного (литературоведческого, лингвистического, культурологического и др.) до художественного.

В частности, обращение к ресурсам сети Интернет позволяет судить о том, что слово *метафора*

переживает динамичную стадию своего семантического обогащения, иными словами, концептуализируется. Этому способствуют многочисленные употребления данного слова в нетерминологическом (или не строго терминологическом) значении, характерные для различных видов дискурса – научного (нефилологического), публицистического (медийного), разговорного и др.

Один из возможных способов убедиться в концептуальной значимости слова *метафора* на современном этапе – проанализировать отклики на формулы типа « N_1 как метафора», «метафора + N_2 », « N – это метафора» и « N – это не метафора» введённые в поисковые системы, а также в лексико-грамматический анализатор НКРЯ.

Очевидно, что чем выше будет количество различных подстановок на место N_1 и N_2 соответственно, тем больше оснований для расширенного осмысления концепта *метафора*, а, следовательно, для трактовки метафоры как междисциплинарного феномена, как элемента метаязыка науки, философии и всякого интеллектуального дискурса вообще.

Вот только некоторые примеры, зафиксированные нами в первом десятке: *город как метафора*; *математика как метафора*; *Сребреница как метафора*; *Европа как метафора*; *дом как метафора*; *танец как метафора*; *имидж как метафора*; *философия как метафора*; *Петербург как метафора*; *физика как метафора* и др.

Такие примеры можно многократно множить, но даже приведённых достаточно для прослеживания такой закономерности: позиция переменной внутри формулы « N_1 как метафора» обычно замещается номинациями тех понятий, которые способны отражать (моделировать) нечто (например, *танец*, *имидж*, *философия*, *физика*), либо моделироваться, наделяться в сознании носителей языка некой потенциальной концептуальной нагруженностью, что, в частности, характерно для пространственных объектов (*Сребреница*, *Европа*, *Петербург*, *дом*).

Вторая формула «метафора + N_2 » отражает развитие валентности анализируемого слова под воздействием его концептуализации, нередко функционируя при этом как продолжение (ветвление вправо) формулы « N_1 как метафора», ср.: *подарок как метафора чувств*; *разводные мосты как метафора духовной связи*; *часы как метафора времени*; *время как метафора тела* и т.п.

Если в контекстах первого типа акцентировалась сема моделируемости, то данная формула скорее ставит знак равенства между метафорой и знаком, метафорой и словом, продвигая рассматриваемый феномен вверх по «семиотической лестнице».

Ряд высказываний, основанных на модели « N – это метафора», наделяется функцией утверждения обобщающего характера. В них понятие «метафора» опять же становится синонимом понятий «знак», «модель», «образ»: *Я понял, что такое участие в «Тур де Франс». Это метафора жизни; Остров – это метафора человеческого обществу, его несовершенства; И об этом мой фильм. Для меня фильм – это метафора жизни; Христос хочет сесть с нами за один стол – Бог и человек вместе – это метафора примирения; Путешествие – это метафора жизни, и жизнь любого человека – это путешествие* и т.п. Характерно, что в ряде этих примеров в ближайшем контексте со словом *метафора* появляются слова типа *символ*, *образ* и т.п. Наиболее частотным здесь является употребление словосочетания *метафора жизни*, что говорит об оценке метафоры как одного из основных средств смыслопорождения в осмыслении отдельных жизненных реалий и концепта «жизнь» в целом.

В примерах иного рода акцентируются другие смысловые множители анализируемого слова-концепта, ср.: *Свобода слова в известной степени — просто красивая метафора, наподобие "именин сердца" или "поступи эпохи"*. Здесь мы видим восприятие концепта «метафора» как словесной уловки (тех самых «блуждающих огней»), за что метафоре, как уже отмечалось выше, досталось в своё время немалое количество критических стрел.

Примерно в таком же ракурсе метафора рефлексивируется в контекстах, основанных на модели « N – это не метафора». Причём в таких контекстах характерно присутствие особых прагматических усилителей отрицания (а по сути – нанесения урона «авторитету» метафоры), ср.: *Больно было нестерпимо, душевная боль доходила до физической – ощущение как будто сердце разрывается на части (оказывается, это не просто красивая метафора, а вполне реальная боль!). «Не просто красивая метафора...»* здесь противопоставляется факту реальности, а, следовательно, отрицается способность метафоры к структурированию достоверного факта. Ср. также: *Это не метафора, а довольно точно сфокусированное учение молодого философа; Выражение "любовная лихорадка", таким образом, не метафора, а точный медицинский "диагноз"*. В данных примерах формула « N – это не метафора» распространяется далее за счёт противопоставления «не метафора, а...», причём опять же противопоставление касается оппозиции метафоры и реальности, достоверности. Характерно, что в подобном употреблении на месте слова *метафора* можно встретить слова типа *иллюзия*, *фантом* и пр., ср.: *Ипотека в 8% годовых в рублях — это не иллюзия, как полагают многие финансовые эксперты, а реальность*.

Выводы

В результате обобщения достаточно обширного и – есть основания утверждать – репрезентативного круга лексикографических источников, фиксирующих терминологическую *метафора* (при этом мы ни в коей мере не претендуем на исчерпывающую количественную полноту такого анализа), можно засвидетельствовать, что:

- метафора – одно из самых разработанных понятий в системе филологических и иных гуманитарных наук за более чем последнее столетие;

- метафора – поняття межнаучне і дискурсивно актуальне;
- розуміння метафори еволюціонує від чисто риторического (поетологічного) підходу до неї, до її осмислення як глибокого «пускового механізму» при породженні семиотически ускладнених форм мови. При цьому в лексикографічних виданнях, навіть найостанніх, вихідна позиція визначення «вид тропу» залишається домінуючою.

Концепт «метафора» в сучасних дискурсивних практиках значно розширив свій семантичний обсяг, в першу чергу – за рахунок частинної або повної детермінологізації (*метафора* – 'знак', 'модель', 'визначення', 'слово', 'фантом', 'доказательство' і т.п.).

Не можна сказати, що на позначений «сверхстатус» метафори ніколи раніше не вказувалося, все ж справедливо буде підкреслити відсутність серйозної наукової розробки даної проблеми в межах створення певної цілісної концепції, розкриваючої сутність метафори на сучасному етапі розвитку гуманітарних наук, в тому числі і філологічних, і в частині – лінгвометафорології.

І хоча в більшості випадків поза філологічного дискурсу метафора концептуалізується з знаком «мінус» (як антипод або самої реальності, або адекватному способу її осмислення і т.д., що йде від європейської традиції минулого (ср. погляди Т. Гоббса, Дж. Локка і др.), столь частотне і концептуально різноманітне апелювання до даного поняття змушує ще раз переконатися в тому, що метафора – не просто термін, не просто мовний засіб, – це, безсумнівно, складний і семантично амбівалентний концепт, характерний для мовного (і метамовного) свідомості носія російської мови. Тому завдання фіксації всього обсягу концептуального наповнення аналізованої термінологічної одиниці не можна вважати вирішеною в повній мірі, – це одна з перспектив як для наукової (термінологічної) лексикографії, так і для теоретическої метафорології, оскільки сучасне становище справ виявляє по відношенню до поняття «метафора» явне протиріччя між спробою її лексикографічного опису і реальними дискурсивними практиками.

В подальшому розвитку метафорологічних вчень представляється важливим провести грань: власне метафора (наприклад, конкретна фраза, конкретний образ) vs. принцип метафори (метафорообраз). Останнє – поняття скоріше семиотическе, ніж філологічне або культурологічне. По базовим своїм властивостям знак (семиотический об'єкт) більш родичний метафорі. Метафора в філологічному сенсі – знак знаку, знак в квадраті.

Підкреслюємо: це не абсолютизація метафоризму взагалі, а лише достраювання метафорологічної парадигми звеном іншого порядку – лінгвосемиотического. Є метафора (як троп, прийом, засіб), і вона обмежена в своїх правах і можливостях; а є принцип метафори, і він – явище ієрархічно вищого порядку. В цьому сенсі будь-який знак ізоморфичен метафорі, і зближують їх: двуплановість, асиметрія сторін, можлива немотивованість (як і мотивованість), прагматичність і пр. В сучасній філології (головним чином лінгвістическій) описано ізоморфізм таких явищ, як метафора і дискурс (Н.Д. Арутюнова), метафора і текст (Б.П. Іванюк), метафора і інтертекст (І.П. Смирнов). Найближче до вивчення метафори саме в такому ракурсі і є одна з найважливіших перспектив лінгвометафорології.

Література

Андреев 1995: Андреев А.Н. Целостный анализ литературного произведения / А.Н. Андреев. – Минск: НМЦентр, 1995. – 144 с.

Андреев 2000: Андреев А.Н. Психика и сознание: два языка культуры / А.Н. Андреев. – Минск: БГУ, 2000. – 233 с.

Андреев 2003: Андреев А.Н. Философия литературы: учебное пособие для студентов и магистрантов вузов / А.Н. Андреев. – Минск: Электронная книга БГУ, 2003. – Режим доступа: <http://anubis.bsu.by/publications/elresources/Philology/andreev3.pdf>.

Аристотель 1983: Аристотель. Поэтика / Аристотель // Аристотель. Собр. соч. в 4 томах. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 645 – 686.

Арутюнова 1990: Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.

Корнилов 2003: Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

Кулиев 1987: Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание / Г.Г. Кулиев. – Баку: Элм, 1987. – 156 с.

Кураш 2015: Кураш С.Б. Понятие «метафора»: лексикографирование vs. дискурсивные практики / С.Б. Кураш // Лексикография и коммуникация – 2015 : материалы I Междунар. науч. конф.; под ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. – С. 45-54.

Лагута 2003: Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / О. Н. Лагута. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – 113 с.

Национальный: Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.

Ричардс 1990: Ричардс А.А. Философия риторики / А.А. Ричардс // Теория метафоры: сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44 – 67.

Джерела

Андреев 2006: Андреев А. Маргинал: романы и повесть / А. Андреев. – Минск: Макбел, 2006. – 320 с.
Словари: Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступу: <http://dic.academic.ru>.

Кураш Сергей

Метафора как объект изучения лингвометафорологии: состояние и перспективы

В статье даётся типологический обзор дефиниций и описаний понятия «метафора», представленных в лексикографических изданиях XX-XXI вв., а также анализируется функционирование данной терминологической лексемы в современных дискурсивных практиках, в том числе вне собственно терминологической функции. Установлено, что метафора – не просто термин, не просто языковое средство, а сложный и семантически амбивалентный концепт, характерный для языкового (и метаязыкового) сознания образованного носителя русского языка. Поэтому задачу фиксации всего объёма концептуального наполнения анализируемой терминологической лексемы нельзя признать решённой в полной мере. Это одна из перспектив как для научной (терминологической) лексикографии, так и для теоретической метафорологии.

Ключевые слова: метафора, метафорология, термин, концепт.

Kurash Sergey

Metaphor as an object of study of linguo-metaphorology: state and prospects

The article provides a typological overview of the definitions and descriptions of the concept "metaphor", which presented in lexicographical publications of the XX-XXI centuries, as well as examines the functioning of the terminological lexemes in modern discursive practices, including outside the actual terminology function. It is established that metaphor is not just a term, not just a language feature, but a complex and semantically ambivalent concept, characteristic of the linguistic (and metalinguistic) consciousness of the educated Russian speakers. Therefore, the problem of fixing the whole concept of filling the analyzed terminological lexeme can not be considered completely solved. This is one of the prospects for scientific (terminological) lexicography and theoretical meteorologie.

Key words: metaphor, meteorology, the term, concept.

Надійшла до редакції 26 грудня 2016 року.

Ольга Радчук

УДК 811.161.1'1

ДЕРИВАЦИОННЫЙ СУППЛЕТИВИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАРУШЕНИЯ СИММЕТРИИ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Дериваційний суплетивізм представлено в когнітивному аспекті, оскільки саме ментальні процеси багато в чому зумовлюють наявність цього граматичного явища в мовній системі. Дериваційний суплетивізм схарактеризовано як вияв порушення симетрії в мовній системі та особливий спосіб утворення нових слів, що відбиває когнітивні здібності людини. Мовні дані дозволяють зробити висновок про те, що дериваційний суплетивізм розвивався як під дією власне лінгвальних, так і екстралінгвістичних чинників, що впливають на створення мовної картини світу.

Ключові слова: дериваційний суплетивізм, когнітивні здібності людини, порушення симетрії в мовній системі, мовна картина світу.

Супплетивизм как грамматическое явление характерен для всех индоевропейских языков, в том числе, – и для славянских. Хотя в русском языке данный способ выражения грамматических значений является непродуктивным, он достаточно широко представлен в научных грамматиках. Тем не менее, неизученные вопросы, связанные с супплетивизмом (диахроническое формоизменение, типология супплетивизмов, критерии для классификации супплетивных форм, деривационный супплетивизм как отдельный тип) требуют дальнейшего развития. Указанные проблемы вызывают неугасаемый научный интерес, о чем свидетельствуют появившиеся в последнее время работы [Бабаев 2013; Чумакина 2004; Шмелев 2013].

Цель статьи – показать, что деривационный супплетивизм является проявлением нарушения симметрии в языковой системе и особым способом образования новых слов, отражающим когнитивные способности человека.

Деривационный супплетивизм или, как его называют лингвисты, квазисупплетивизм, еще не был объектом отдельного рассмотрения в когнитивном аспекте, хотя именно ментальные процессы во многом обуславливают наличие данного грамматического явления в языковой системе, это и определяет **актуальность исследования**.

А.Е. Кибрик, обосновывая когнитивный подход к языку, писал, что «в основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик 2015: 32].

Языковая форма может быть мотивирована как чисто лингвистическими факторами (например,